

Читатели нашего журнала З. Борисова (Душанбе), Р. Янов (Москва) просят рассказать о партии «Бхаратья джан сангх» и ее социальной базе. Удовлетворяем их просьбу.

«Джан сангх» и ее социальная база

А. БЕЛЬСКИЙ

В РАЗЛИЧНЫХ сферах общественной жизни современной Индии наблюдается заметный рост коммуналистских, то есть религиозно-общинных, тенденций. На этот процесс неоднократно указывал еще Джавахарлал Неру: «Голос правых в Индии, которые делают упор в своей деятельности на крайне экстремистскую форму национализма, стал раздаваться все громче и громче». На политической арене в Индии подвизается несколько партий, порожденных темными силами религиозно-общинной реакции. Их головным отрядом является партия «Бхаратья джан сангх».

Что же такое индульский коммунизм? «Коммунизм во всех своих проявлениях, — подчеркивал один из деятелей Национального конгресса Х. Н. Бахугана, — есть дитя отсталого мировоззрения. Свою жизненность он получает от средневекового мышления и в своих взглядах груб и ортодоксален».

История возникновения различных партий и организаций, вращающихся в рамках идеологии индульского коммунизма, весьма любопытна. Известно, что коммунизм в Индии появился как пособник колонизаторской политики «разделяй и властвуй», как орудие английских властей в борьбе против индо-мусульманского единства. Как отмечал редактор журнала «Социалист конгрессмен» Х. Д. Малавия, «осознав ту опасность, которую это единство представляло для господства колонизаторов в Индии, британские власти решили внести изменения в свою политику «разделяй и властвуй» и стали поощрять создание массовых коммуналистских организаций. Их целью было провоцировать столкновения между индусами и мусульманами».

Не случайно одна из основных партий индульского коммунизма в те времена — «Хинду махасабха» была организована во всеиндийском масштабе в 1925 году, и в том же году Кешав Хедгевар заложил

жил в городе Нагпуре основы организации «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС).

Ни для кого не секрет, что РСС не принимала участия в национально-освободительной борьбе индийского народа против английских колонизаторов. Прикрываясь фразами о «культурнической деятельности», о «возрождении индульской славы», РСС всячески стремилась разжечь религиозно-общинную вражду между индусами и мусульманами, расколоть масс Индии, отвлечь их от борьбы за свободу и независимость родины.

После убийства Махатмы Ганди правительство Индии запретило деятельность РСС и других коммуналистских организаций, а многих их видных деятелей заключило в тюрьму.

Однако это не привело к политической смерти организаций индульского коммунизма. Руководители РСС на своем секретном совещании решили создать новую политическую партию, которая стала бы «политическим крылом» РСС. Такова внешняя цепь событий, приведших к появлению в 1951 году, как раз накануне первых всеобщих выборов, партии «Бхаратья джан сангх».

С самого первого дня возникновения «Джан сангх» ее лидеры повели идеологическое наступление на политику правящей партии Индийский национальный конгресс. Они выступили против реорганизации индийских штатов по языковому принципу, потребовав создания в Индии «унитарного государства»; обрушились на такое завоевание демократических сил страны, как секуляризм, то есть светский характер индийского государства, призывая к тому, чтобы «ведущей силой национальной политики стал индуизм»; они повели борьбу против государственного сектора в промышленности и назревших преобразований в сельском хозяйстве, заявив, что все эти меры якобы «несовместимы с древней культурой и традициями страны»; они, на-

конец, потребовали отказа от традиционной политики неприсоединения к различным военным союзам, которой следовало правительство Дж. Неру.

Подменяя понятие «нация» понятием «религиозная община», лидеры «Джан сангх» вслед за своими идейными вдохновителями из РСС тщатся доказать, что «только индусы являются нацией в Бхарате» (то есть в Индии. — А. Б.), что только «индуизм объединяет четырехсотмиллионный народ Индии». Исходя из этих положений, генеральный секретарь партии Упадхайя призывает «перевоспитать, реформировать и национализировать» мусульман, а также представителей других религий, живущих в стране.

Пытаясь затушевать смысл своих религиозно-общинных воззрений, идеологи «Джан сангх» прибегают к софизмам. Тех, кто признает существование в Индии различных религиозных меньшинств, эти деятели относят к разряду «коммуналистов», а тех, кто отрицает за другими религиозными общинами право на существование, кто провозглашает индусов «единственной нацией» в Индии, они объявляют «истинными националистами». Таким нехитрым приемом лидеры «Джан сангх» усиленно проповедуют свою обскурантистскую религиозно-общинную идеологию, стремясь раздавить неиндусские религиозные меньшинства.

Лидеры «Джан сангх» выступают не только идеологами «истинного национализма», идейными вдохновителями религиозно-общинных распри, они практически организуют и провоцируют индусско-мусульманские столкновения, которые особенно участились в Индии за последние несколько лет. «Индусские фанатики из РСС, — отмечает Х. Тинкер в своей книге «Индия и Пакистан», вышедшей в свет в 1962 году, — в прошлом открыто проповедовали культ насилия. После убийства Ганди они были вынуждены действовать осторожнее. Приблизительно с 1960 года индусские изуверы снова перешли к насильственным методам. Они создают атмосферу массовой истерии, чтобы захватить власть, которой не могут достичь простой апелляцией к разуму и вере».

В начале 1961 года волна индусско-мусульманских столкновений прокатилась по индийскому штату Мадхья-Прадеш. Духовные вожди индусских коммуналистских организаций поспешили оценить действия погромщиков как «проявление здорового духа нации».

В середине 1961 года в Дели собралась конференция представителей индусской религиозной общины. Показательно, что в число ее организаторов и руководителей входили те, кто был арестован после убийства Ганди. Выступавшие на этой конференции ораторы заявляли, что Неру — «антииндусский лидер, симпатии которого склоняются к мусульманам». Примечательно, что это реакционное собрание состоялось сразу же после того, как окончились заседания созванной правительством Индии конференции по национальной интеграции, где обсуждались пути и средства к сплочению индийского народа. Реакция бросала открытый вызов прогрессивным силам индийского общества.

Последние вспышки крупных религиозно-общинных столкновений, спровоцированные индусскими мракобесами, наблюдались в начале 1964 года в штатах Западная Бенгалия, Бихар и Орисса. Воспользовавшись прибытием из Восточного Пакистана поездов с беженцами, индусские фанатики разожгли здесь межобщинную вражду, переросшую в резню мусульман, живущих в Индии. На этот раз вражда затронула и крупные промышленные цент-

ры, где сосредоточен индийский пролетариат, — города Джамшедпур, Роуркела и некоторые другие.

Антинародная деятельность партий и организаций индусского коммунализма находит свое проявление не только в периодических религиозно-общинных конфликтах. Организационное укрепление и расширение коммуналистских организаций, активная пропаганда ими религиозно-общинной идеологии в наиболее отсталых слоях индийского общества приводят к увеличению роли и влияния этих партий в политической жизни страны. Об этом, в частности, свидетельствуют и результаты всеобщих выборов.

На первых выборах в 1952 году за «Джан сангх» голосовало более 3,2 миллиона человек (или 3,1 процента всех избирателей). Сразу же после выборов она приступила к созданию своих отделений по всей стране, что укрепило ее позиции в различных штатах. На выборах 1957 года «Джан сангх» сумела получить 7,1 миллиона голосов (5,93 процента), а на выборах 1962 года — более 7,3 миллиона (7,47 процента).

По сравнению со вторыми выборами третья выборная кампания, как видим, не принесла «Джан сангх» значительного успеха. Уже вскоре после вторых всеобщих выборов стало ясно, что широкие массы индийского народа отвергают оголтелую шовинистическую пропаганду «Джан сангх» и не одобряют ее игры на религиозных чувствах индусов.

На кого же опирается «Джан сангх», какова ее социальная база? Интересы каких классов или социальных слоев отражает она в своих политических и экономических программах? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на некоторых особенностях экономической и идеологической жизни современного индийского общества.

Несмотря на большие сдвиги в экономике, политике и идеологии Индии после завоевания ею независимости, в стране по-прежнему сильны различные пережитки феодальных общественных отношений. «На протяжении многих веков, — отмечал журнал «Социалист конгрессмен», — в условиях отсталой, аграрной экономики, при отсутствии модернизирующих общество тенденций и движений в нашей стране пыльным цветом расцветали такие явления, как ортодоксия, консерватизм, кастовость и сепаратизм... Умноженные силой привычки и практикой обычаев, которых придерживается наш народ, живущий в десятках тысяч деревень, разбросанных по всей стране, они постоянно и сознательно использовались в корыстных интересах эксплуататорскими элементами».

К этим эксплуататорским элементам относятся и лишенные былой власти крупные помещики, и заминдары, и бывшие раджи и махараджи индийских княжеств, и маханты из богатых индусских храмов. Именно они составляют руководящее ядро коммуналистских партий, чья идеология и политическая программа отражают мировоззрение отживающих свой век осколков феодальных классов. Потеряв свой независимой Индии прежние права и власть, они постоянно пытаются взять реванш, прибегают к различному демагогическим лозунгам. Коммунизм — еще одна маска, за которой прячутся эти реакционные социальные силы.

Следует иметь в виду, что религиозные верования и обычаи, уходящие своими корнями в древнейшее прошлое страны, во многом еще определяют психологию и поведение известной части населения Индии. Этому способствовало многолетнее господство английских колонизаторов, стремившихся консервировать изжившие себя общественные

отношения. С другой стороны, на всем протяжении борьбы индийского народа против колонизаторов патристическая националистическая пропаганда в стране велась под знаком идей, связанных с индуистской религией. Наличие в индийском национально-освободительном движении сил, которые апеллировали к религии индуизма и строили свою позитивную программу на идеализации индийского прошлого, несомненно, создавало благоприятную почву для деятельности коммуналистских организаций, для проникновения их идей в широкие массы индийского народа.

Однако было бы ошибочным сделать вывод, будто бы «Джан сангх» — партия, представляющая современный этап развития индусского коммунализма, — выражает только корыстные интересы бывших помещиков и феодальных князей, которые преуспевали в прошлом и ныне тоскуют по утерянным благам и привилегиям. Эти феодальные слои верховодят в «Джан сангх». Но не они составляют основу ее социальной базы.

Религиозной идеологии в Индии придерживаются самые различные и довольно многочисленные слои населения, экономическое бытие которых связано с различными формами докапиталистических или неразвитых капиталистических отношений, все еще столь распространенных в современной Индии. Изучение идеологии и политических воззрений «Джан сангх», ее экономических программ и практических действий убедительно показывает, что она выражает главным образом интересы промежуточных социальных слоев, или, как их иногда называют, «средних классов» индийского общества.

Промежуточные слои — очень многочисленная и неоднородная часть капиталистического общества. Социальная природа их чрезвычайно противоречива. Сюда относятся мелкие производители-собственники города и деревни, кустари и ремесленники, мелкие торговцы и ростовщики, то есть мелкая буржуазия, интеллигенция, чиновничество, торговые и конторские служащие, студенты, лица так называемых свободных профессий.

Индийскую мелкую буржуазию города и деревни характеризует прежде всего то, что сфера ее экономической деятельности, как это совершенно верно отметил французский экономист Шарль Беттельхейм в своей книге «Независимая Индия», находится в значительной мере вне современного хозяйства, которым руководит крупный капитал.

«Господствующее место в деятельности несельской мелкой буржуазии, — пишет Ш. Беттельхейм, — занимает торговля, все виды транспорта и услуги. Удельный вес промышленной сельской буржуазии очень незначителен. Почти половина ее занимается торговлей сельскохозяйственными продуктами, банковскими операциями или ростовничеством...»

Мелкий буржуа в одно и то же время собственник и труженик. Это заставляет его отождествлять свои интересы то с интересами эксплуататорских, то с интересами трудящихся классов. С одной стороны, он надеется правдами и неправдами выбиться в ряды состоятельной буржуазии, с другой — боится быть низвергнутым в ряды пролетариата. Двойственное экономическое положение мелкой буржуазии, ее противоречивая социальная сущность находят свое отражение и в противоречивых экономических требованиях «Джан сангх».

«Джан сангх», — говорится в программе этой партии, принятой в декабре 1958 года, — создаст новые экономические условия, которые будут более соответствовать нуждам и потребностям Бхарата. Будет дана полная свобода частному предприни-

мательству. Однако экономическая сила не будет сосредоточена в руках немногих лиц... «Джан сангх» стоит не просто за массовое производство, но за производство самих масс. Она отвергает механизацию сельского хозяйства и другие проекты, направленные на экономию труда, которые ведут к увеличению безработицы. Мелкая промышленность должна стать основой всего экономического планирования. Современная тенденция передавать все новые и новые отрасли в государственную собственность или под контроль государства не только разрушает демократию, но и нежелательна с точки зрения самого экономического развития».

Мелкий буржуа мечтает о таком обществе, где не было бы ни слишком богатых, ни слишком бедных, о том «идеальном мире», в котором мелкие предприятия могли бы выдержать конкуренцию с крупными капиталистическими акулами.

Лидеры партии «Джан сангх» пытаются выдать себя за защитников интересов индийского крестьянина. В действительности же они стоят на страже экономических выгод лишь зажиточного крестьянства, не заботясь о судьбе огромного числа безземельных арендаторов и сельскохозяйственных батраков. Чьи еще интересы, как не индийского кулачества, отстаивают лидеры «Джан сангх», когда требуют установления «продолжительного срока» владения землей, «строгое фиксированной» арендной платы, «консолидации» земельных владений и предотвращения их дробления, установления максимума земельного владения в 30 акров хорошо орошаемой земли или равного этому эквивалента, способного давать доход в шесть-десять тысяч рупий ежегодно?

Особенно упорно «Джан сангх» борется против курса на кооперирование сельского хозяйства, при этом она утверждает, что кооперирование не только «лишит фермера его земли», «оставит миллионы сельскохозяйственных рабочих без работы», но и «сократит производство сельскохозяйственной продукции в стране». Лидеры «Джан сангх» утверждают, будто бы кооперация «разрушит крестьянское чувство собственности», создаст психологию, «неблагоприятную для развития сельского хозяйства», убьет «инициативу фермеров».

Было бы неверным, однако, предположить, что «Джан сангх» выступает против любого вида кооперации. Напротив, она требует, чтобы «оказывалась еще большая поддержка снабженческим и сбытовым кооперативам», которые, как известно, используются деревенскими мироедами в целях своего дальнейшего обогащения, настаивает на улучшении системы кредитования кулацких хозяйств, на создании условий, благоприятных для «дешевого, достаточного и своевременного снабжения фермеров хорошими семенами, навозом и удобрениями, сельскохозяйственным инвентарем и тягловыми быками».

Выступая с критикой только таких сторон капиталистической действительности, которые затрудняют мелкому производителю путь к обогащению или же прямо ведут к его разорению, лидеры «Джан сангх» с особой ненавистью обрушиваются на социализм. В своих программных документах, статьях и устных выступлениях они стараются всячески очернить социалистические идеи и практику строительства социализма в других странах. Тяжко страдая от пороков, присущих современному капитализму, мелкий собственник не хочет, однако, коренного изменения существующих при капитализме общественных порядков, а лишь мечтает об «усовершенствовании капитализма», занят поисками так называемого третьего пути.

«В чем действительно нуждается Индия, — провозглашает, например, один из лидеров «Джан сангх» профессор Балрадж Мадхок, — так это не социализм, не коммунизм и не капитализм. Единственный «изм», который ей необходим, — это реализм... Если мы должны иметь какие-нибудь лозунги, то не может быть ничего лучшего для нашей экономической жизни, чем реализм... Реализм — для экономического прогресса страны, национализм — для национального единства и обороны, наконец, демократия — для сохранения и укрепления свободы и достоинства индивидуума — таковы три главных лозунга, три руководящих принципа нашей национальной политики».

На своем последнем, 12-м съезде, состоявшемся в начале этого года в городе Виджаявада, партия «Джан сангх» выдвинула понятие «интегрального гуманизма», в содержание которого она вкладывает свои прежние социально-экономические концепции.

В идеологии и программных установках «Джан сангх» нашли отражение не только интересы мелких производителей, мелких торговцев, ростовщиков и нарождающегося кулачества, но и нужды и чаяния мелкобуржуазной интеллигенции, которая в современной Индии очень многолика. «Джан сангх», опирающаяся в городах Уттар-Прадеша в основном на торговцев и промышленников, — писала газета «Нью эйдж», — в последнее время проникла в средние слои (клерки, учителя, адвокаты, студенты, чиновники гражданской администрации и полицейских служб и т. д.), отравляя их ядом коммунизма».

Влияние «Джан сангх» в среде индусской интеллигенции объясняется в свою очередь рядом обстоятельств. В результате долголетнего колониального господства в Индии образовалась в основном не техническая интеллигенция, а многочисленные представители таких интеллигентных профессий, которые в сегодняшней индийской действительности нередко не могут найти практического применения своим силам и знаниям. К их числу относятся различного рода чиновники, юристы, клерки. Кроме того, после 1947 года в стране увеличилась непроизводительная часть городского населения. Очень часто эти люди не могут найти себе работу и скатываются в ряды люмпен-пролетариата, склонного легко подвергаться влиянию реакционной идеологии, одурманиваться шовинистическими идеями и принимать участие в различных политических авантюрах.

Интеллигенцию, служащих, студентов, чиновников лидеры «Джан сангх» стараются привлечь на свою сторону главным образом с помощью тонкой спекуляции на их особенно обостренных националистических чувствах, разглагольствованиями о необходимости возродить древнее индийское духовное наследие, позитивную и конструктивную брахматскую культуру.

Промежуточные социальные слои порождают, как известно, самые разнообразные идейные и политические течения. Опыт истории показывает, что из этой среды вышли, например, те фашистские молодчики, которые маршировали под штандартами нацизма, стремясь завоевать мировое господство для германского монополистического капитала. Ей же, как своей «социальной родине», обязан существованием анархизм всех мастей и толков.

Значительная часть индийской мелкой буржуазии старается поддерживать консервативную и даже реакционную политику. Она и представляет социальную базу, на которую пытаются опереться

партии традиционалистов, ортодоксов или коммуналистов.

Представляя собой по своим экономическим интересам и социальному положению консервативную силу, мелкая буржуазия, как и вообще промежуточные слои индийского общества, нередко оказывается вовлеченной в махинации внутренних и иностранных ультрареакционных сил.

Вместе с тем в определенных условиях из рядов мелкой буржуазии выходят представители радикально настроенной революционной демократии, способной вместе с рабочим классом, трудовым крестьянством многое сделать для общественного прогресса. Поэтому есть все основания полагать, что политическая жизнь Индии в ближайшие годы будет наполнена острой и напряженной борьбой между прогрессивными и реакционными силами за привлечение на свою сторону широких промежуточных слоев нации. Исход в этой борьбе во многом определит завтрашний день Индии.

ЗАЩИЩАЮТ ТОЛСТОСУМОВ

Бонн оказывает салазаровскому режиму солидную военную помощь, значительная часть которой используется в колониальной войне. Еще в мае 1963 года Салазар заявил корреспонденту неонацистской газеты «Дойче национал-цайтунг унд зольдатен-цайтунг», что подобные поставки оружия осуществляются «в рамках соглашения с бундесвером». Только за последние месяцы 1964 года португальские войска в Анголе получили 10 тысяч западногерманских винтовок и автоматов, 16 боевых самолетов, большое количество современных транспортных средств, патронов, авиационных бомб и другого снаряжения.

В конце февраля 1965 года западногерманские газеты сообщили о намерении Бонна в скором времени поставить Португалии 60 истребителей-бомбардировщиков. ФРГ направляет в португальские колонии войска своих военных «инструкторов». Западногерманские монополии заинтересованы в сохранении колониальной империи Салазара, так как они вложили в нее большие деньги. Например, в эксплуатации природных богатств Анголы участвуют в общей сложности 200 западногерманских компаний, в том числе могущественные концерны «Крупп», «Демаг», «Рейншталь». Особенно велики интересы монополий и банков Федеративной Германии в области добычи железной, вольфрамовой, марганцевой и медной руды в Анголе. За счет дешевого труда местных жителей рейнские монополисты заставляют солидные барыши.

Федеративная Республика Германии, поставляя оружие Салазару, защищает в первую очередь интересы своих толстосумов.